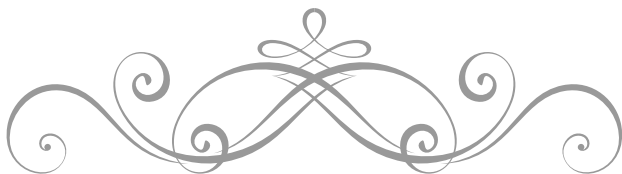
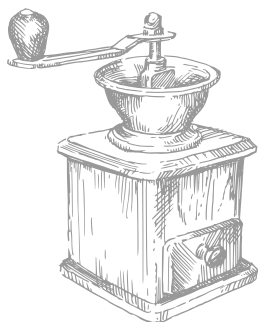

Софья Ролдугина

Кофе и ПОЛЫНЬ

RUGRAM

Москва
2025

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)
Р67

Ролдугина, С.

Р67 Кофе и полынь. Кофейные истории XVI / С. Ролдугина. — М. : RUGRAM, 2025. — 360 с. — (Кофейные истории).

ISBN 978-5-517-13283-3

Когда одна эпоха уходит, то наступает другая.

Кэбы и омнибусы всё так же раскатывают по улицам Бромли, и под землёй шумит метро, но чудовищная тень катастрофы уже раскинула над городом крылья. Всё чаще у границ Аксонии видны боевые дирижабли, а ветер пахнет порохом и железом...

А у леди Виржинии своя битва — с мёртвым колдуном, не один век терзающим её семью. Ставки велики, и страшно сделать первый шаг: ведь враг сумел забрать уже не одну жизнь.

Вот только на сей раз Виржиния не одна.

...когда слышен напев флейты Крысолова, тьма отступает — и начинается новый день.

BIC FM
BISAC FIC009000

ISBN 978-5-517-13283-3

© Софья Ролдугина, текст, 2025
© Софья Товбина, обложка, 2025
© RUGRAM, 2025
© Т8 Издательские технологии,
оформление, 2025

Кофе и полынь

Полынь называют «травой памяти», а ещё считают символом печали.

Но разве память и печаль — одно и то же?

*Затаскую в трудные времена лишь добрые воспоминания
и надежда придадут сил, чтобы двигаться дальше.*

*Улыбки близких, занимательные истории, мечты,
которым только предстоит сбыться — память хранит всё
это... Но иногда она бывает горькой.*

Как и полынь.

*Забавный факт: из эстрагона, также известного как
«драконова полынь», делают освежающий лимонад,
который никому не горчит. Добавляют «драконову полынь»
иногда и в кофе, особенно когда готовят его методом
холодного настаивания: засыпают в френч-пресс несколько*

ложек молотых зёрен, добавляют по вкусу эстрагона и лаванды, а затем заливают обычной водой и оставляют в холодильнике или на педнике на семь-восемь часов.

Такой кофе имеет необычный пряный вкус, освежает в жару и придаёт сил.

А ещё, как говорят, благотворно влияет на память.

Но это не точно.

Как ни странно, жизнь продолжалась.

Вторая половина лета в Бромли выдалась очень странная — тихая, ровная... и мучительная. Не было ни особенной жары, ни холодных проливных дождей. Изредка город укрывали туманы, и тогда ощущение давящей, оглушительной тишины становилось почти невыносимым.

Газеты выходили реже.

Об Алмании сперва писали разнообразно и бурно, однако чем дальше, тем более сдержанными становились статьи... и более монотонными, что ли, словно все тексты правил один и тот же редактор. Я ими, впрочем, не интересовалась. Хватало и других хлопот: сперва пришлось искать нового поставщика шоколада для «Старого гнезда», а потом — о, коварный удар судьбы! — и кофе. Замену мы нашли, пусть и не сразу, а постоянные посетители даже не заметили разницы.

Хотя её, безусловно, заметил Георг, о чём не преминул мне доложить — верней, наворчать.

Не забывала я и о своих намерениях отыскать тело Валха, мёртвого колдуна, и окончательно избавиться от него. Но, увы, ниточек, за которые можно бы ухватиться, было не так и много, да и те зыбкие: вещие сны, обмолвки Абени, редкие записи в дневниках леди Милдред и моей матери. О, записи я изучила все, едва ли не наизусть затвердила! Но тщетно. Удалось лишь узнать, что тело Валха, его главная слабость, находилось где-то в Бромли — ведь иначе, как считала моя мать, мёртвому колдуну не удавалось бы с такой лёгкостью манипулировать людьми в окружении нашей семьи и подстраивать ловушки одну за другой.

Но Бромли огромен — и мертвецов здесь, увы, хватает.

Ближе к концу лета Клэр уговорил меня на несколько недель уехать из города в обновлённый, верней, заново отстроенный фамильный замок Валтеров — вместе с детьми, с Паолой, с Мэдди... и с Эллисом, которому после поимки «Бромлинской Гадюки» не только вручили награду, но и настоятельно рекомендовали на некоторое время удалиться от дел. И немудрено: слишком многие — в том числе и весьма высокопоставленные — лица были замешаны в контрабанде, и кое-кто мог бы попытаться выместить своё недовольство на детективе, прищемившем «Бромлинской Гадюке» хвост.

И на его невесте.

Так или иначе, дядя Рэйвен пообещал разобраться с этим, но ему требовалось время, а значит, предложение провести неделю-другую на некотором отдалении от Бромли звучало весьма разумно.

К слову, о дяде Рэйвене...

О том, что я разорвала помолвку, вскоре, разумеется, стало известно. Сперва эту новость много обсуждали, пожалуй, больше даже, чем войну, однако затем сплетни утихли — разом, как по команде; и не только в газетах, но и в светских салонах. Святые Небеса, даже в кофейне никто — или почти никто — не спрашивал меня о причинах разрыва! Сочувствовали, предлагали помощь, развлекали — да, но не проявляли излишнего любопытства. Вряд ли из врождённой деликатности, скорее, тут сыграла роль грозная репутация дяди Рэйвена. Но я в любом случае радовалась, что не приходится ничего объяснять, во многом потому, что не была готова говорить об этом за пределами семьи. Также как и о том, что Лайзо ушёл — я не читала газет, старалась даже не видеть снов, чтоб ненароком не зацепить взглядом нечто ужасное, какой-нибудь страшный знак.

...а в самом начале осени мне пришло письмо — маленькое, в потрёпанном конверте, куда была вложена, кроме листка бумаги, и засушенная фиалка.

Настоящая эмильская фиалка, да.

Это было послание от Лайзо — и писал он из Марсовии.

«...поздравь меня, Виржиния, я снова беден, как церковная мышь. В карманах пусто, хотя и не настолько, как считают мои нынешние приятели и тем более командиры. Продажу офицерских патентов запретили ещё лет сорок назад, однако прикупить себе место на службе по-прежнему можно. Только теперь деньги переходят не в казну... Впрочем, неважно.

А важно, что я нынче считаюсь офицером.

У меня в подчинении трое крепких парней, самых неблагонадёжных, каких только можно себе представить. Всех их — как, впрочем, и меня самого — привели на службу мотивы, крайне далёкие от патриотизма... С теми двумя, что мечтают подзаработать и вернуться домой в ореоле почёта и уважения, ещё можно иметь дело, а вот что делать с последним, который пришёл сюда, страдая от неразделённой любви, дабы сложить голову в бою, ума не

приложу. Для начала я побился с ним об заклад, что он не сумеет проверить кое-какую штуку; похоже, что он парень азартный, так что это может и сработать.

Но я, кажется, чересчур углубляюсь в детали.

Наверное, тебе интересно, как мне вообще в голову пришла мысль расстаться с тобой вот так и отправиться туда, где повсюду лишь мрак, смерть, кровь и предательство? Я и сам, пожалуй, не понимаю. Мой отец... Только сейчас, когда я пишу эти строки, я сожалею, что почти ничего не рассказывал тебе о своей семье. Стыдился, а сейчас думаю, что и зря; но так или иначе, всё началось с моего отца, того, который мне отец по крови, с Джеймса: он из рода потомственных вояк, и его старшие братья дослужились до весьма высоких чинов. Он же вынужден был оставить службу, ибо никто ни из его семьи, ни из друзей не принял женитьбы на бродяжке-гипси, пусть и красавице. Как не приняли ни Тома, когда он родился, ни меня... Единственный, кто продолжал общаться с моим отцом, был его дед — мой, стало быть, прадед. Он сейчас стар как пень, однако сохранил кое-какие связи,

и когда отец пришёл к нему с просьбой — единственной за минувшие тридцать лет — дед откликнулся.

Сказал, что это не то привет, не то подарок со смертного одра — сущие глупости, он проживёт ещё несколько лет точно.

Как мне составили протекцию и познакомили с нужными людьми; сотня хайрейнов одному, две — другому, и вот я здесь.

Признаться откровенно, у меня до последнего оставалась надежда, что заниматься я буду самолётами. Рекомендовали меня как лётчика и механика, и не кто-то, а сами супруги Перро... Однако стоило здешним генералам узнать, что я знаю несколько языков и в Марсовии, пожалуй, сойду за своего, как мне нашли другое занятие. Если я справлюсь с ним, то получу повышение.

Если же нет...

Об этом лучше не будем, и к тебе я обязательно вернусь, так говорят и карты, и руны, и кости. Здравый смысл, правда, твердит иное, но приличному колдуну слушать его — себя не уважать.

Меня страшит другое.

Когда я спрашиваю карты и кости о тебе, то колода разлетается, а узор не складывается. Слишком много путей, и враг опасен; он сокрыт в тени, кружит подле тебя, стремясь подловить в минуту слабости... В твоей силе я не сомневаюсь. Но всё же, прошу, будь осторожней: колдуны — уж это я знаю наверняка — частенько действуют тужими руками. Мне хочется сказать: затаись, спрячься...

Но не буду, потому что именно этого он от тебя и ждёт.

Не оставляй спину открытой, но всё же ступай с гордо поднятой головой. Не дразни врага попусту, однако и не медли, когда он приготовится ударить — ударь первой, рука у тебя тяжёлая, он потом может и не подняться...

Пусть не ты боишься его, а он тебя.

Впрочем, зря я пишу; ты и сама, без меня, знаешь, что делать, а мне... мне, наверное, хочется загладить свою вину, хоть так выпросить прощения за то, что я оставил тебя.

Но так было надо.

Что же до этого письма, избавься, пожалуйста, от него, как только получишь — я и так написал его против всех правил: мне положено